

О КОЛЬКЕ СНЕГИРЕВЕ

ТЕАТР

И О ТЕБЕ

ШКОЛА, когда ты окочал, звал тебя на традиционную встречу выпускников. Она обращалась к тебе по радио и даже пригласительную открытку, подписанную директором.

Ты не пошел — то ли заработался, то ли отложил до следующего раза, а вернее, просто забыл. Ты не пришел в школу ни в праздник, ни в будни, — взрослый человек, у которого нет времени возвращаться в прошлое. Ты знаешь: школа делает то, что ей положено, — учит читать и писать, приучает к труду, «охватывает» учеников пионерской и комсомольской работой. А для тебя она не больше чем воспоминание, — приятное, расплывчатое...

И да же, если у тебя есть младший брат, ты, может быть, не откажешься помочь ему решить уравнение или намотать проволоку на самодельный реостат, но ты сделаешь это со взрослой снисходительностью и поспешить перейти к очередным делам. «Тебя какая-то девочка спрашивает», — сообщаешь ты «со значением», а твой брат-семиклассник багрово краснеет. «Это не твоего ума дела», — обрываешь ты его расстройку о жизни. «Вырастешь — узнаешь», — говоришь ему, забывая, какой взрыв ярости вызвала у тебя когда-то эта дерзкая «взрослая» фраза...

Но вот ты попал в Центральный детский театр на новый спектакль «Друг мой, Колька!», и тебе становится стыдно за эти казенные ответы, за это свое равнодушие. Ты возвращаешься домой и какими-то совсем новыми глазами смотришь на встречаемых мальчишек.

Сколько их живет на свете, вот таких Кольек, каким его сыграл второклассник драматической студии Центрального детского театра Г. Сайфулин!

Спектакль утверждает: школа — это не только приоткрытые к жизни, это уже самая жизнь. Очень простая — со шаргалками и двойками, с гвалтом большой перемены, с утреничками, елками, футболом или катком, и очень сложная, полная драм, а иногда даже и трагедий, знающая подлоги и компромиссы, предательство и самоотвержение, крутые переломы и незаметные глазу, но очень важные движения души.

Перед нами пьеса о детях — настоящая, а не выдуманных в пишине методического кабинета, и для детей — вот этих, которые на спектакле поднимаются со своих мест, дышат нам в плечо, шепчут: «Вылитая наша Ална Николаевна!» или кричат: «Из ротатки его, из ротатки!»

В то же время аккуратничкому жанру «школьной пьесы» и «школьного спектакля» здесь положен решительный конец. Рассказывая о шестиклассниках, театр говорит о жизни, а потому и события, происходящие на школьном дворе или в пионерской комнате, имеют широкий и общий смысл. Вот почему твой младший брат видит спектакль о себе, а ты — о себе и о своем младшем брате.

Такой увидел пьесу «Друг мой, Колька!» — первую пьесу Александра Хмельникова — режиссер Анатолий Эфрос.

Спектакль защищает человеческое достоинство — пусть это достоинство «троечника» Кольки Снегирева, спектакль требует доверия — пусть это доверие к мальчишкам и девочкам, которым и до получения паспорта еще далеко. Спектакль говорит о верности — пусть это всего лишь верность ученицы шестого класса Малины Канарейкиной, — говорит о стойкости — пусть эта стойкость мальчика, четвероклассника Костины Вострякова, который готов «сесть и стоять» у дверей учительской до тех пор, пока «персональное дело» пионера Кольки Снегирева не будет решено по справедливости. Спектакль заставляет размышлять о том, что та-

кое бездарность и как страшен, как вреден человек, попавший не на свое место, даже когда это всего лишь место старшей пионервожатой, а не место Лидии Михайловны Иванюковой.

Театр своей работой отвечает на вопрос, откуда берутся доноскички и демагоги. Наконец, спектакль знакомит с человеком, который по простой душевной потребности отдает себя людям, делится всем, чем богат.

Шофер автобазы Сергей Руденко, восьмой по счету пионервожатый трудного шестого «Б», пришел в ту самую школу, куда ты не заглядывал вот уже десять лет. Пришел к твоему младшему брату, стал для него тем, чем не сумел стать ты сам, Сергей не стал «принимать дела» своих незадачливых предшественников, не захотел изучать их горький опыт. Он отправился на сбор, тема которого — «Взрети вынуту», послушал и сказал: «Зеленая скука». Сергей не проводил «мероприятия» и не вел беседы «по душам». Он просто обособился в самой гуще ребячьей жизни — в своем холеном рабочем фартуке, с руками, не отмытыми от подтеков машинного масла. Вот почему ему не нужно было ни заискивать, ни стучать кулаком по столу. Он не спасал Кольку — и спас его.

А ведь Колька мог пропасть. Еще шаг, еще полшага, и он окончательно поверил бы, что вот этот пареня в элегантно курточке — настоящий друг, с которым интересно и весело. Поверил и стал бы вором. Стал бы им от скуки на сборах, от поиривания Лидии Михайловны, от оскорбительной перемены «дамского комитета», который публично облагодетельствовал его парой новых ботинок.

Сергей понял, что такое «ТОТР» — «Тайное общество троечников», основанное Колькой. Он еще не забыл, что есть на свете мальчишеская тяга к тайне, романтика «страшных клятв», ночных явок, шифрованных писем. Да и сам Колька угадал бы, что «ТОТР», как только в его кармане оказался бы настоящий ключ от настоящего гарка. Но из «ТОТРа» успели сделать прецедент, заварили кашу, сняли с Кольки красный галстук и объявили его «чуждым советской школе».

Вожатая Лидия Михайловна по своему ненавидела Кольку Снегирева просто за то, что не звала, что ей с ним делать.

«Вылитая наша Ална Николаевна!» — шепчет девочка в пятом ряду. Вот она, высшая мера зрительского признания! Юная аудитория детского театра не может, разумеется, разглядеть в Лидии Михайловне, какой ее сыграла А. Дмитриева, всего, что видят в ней взрослые зрители, — стародевчье ущемленности, претензий неудачницы, усталости человека, пять лет «тянущего ляжку». Они еще не умеют прочитать биографию вот такой Лидии Михайловны, омазавшейся на чужом месте, но они своей реакцией подтверждают реальность этого человеческого типа.

Режиссер знает своего зрителя, и если в пьесе Хмельникова нет конца, если там неизвестно, какое решение о Кольке примет педагогический совет, то в спектакле Колька получает обратно свой красный галстук. Он получает его из рук Сергея, на школьном дворе, жизнь которого в эту минуту предстает перед нами в неподвижности остановленного немотора. Все замерло: девочки со скакалкой, мальчишки с волейбольным мячом, на буме, на перекладине гимнастической лестницы... Колька Снегирев

и Сергей Руденко молча идут на зрителя. И тогда Сергей повязывает Кольке его красный галстук, отчаянно громкий, по-девичьи пронзительный голос кричит: «Перемена-а-а!». Сцена не просто оживает, она взрывается смехом, криком, бегом, ударами по мячу, и таким же взрывом отвечает ей зрительный зал. Нет, это не просто «хороший конец» — это бурное торжество справедливости, ее подлинный праздник.

Центральный детский театр можно поздравить с большой, настоящей, радостной победой. Здесь не робоясь принять и постановке пьесы, которая может показаться излишне беспокойной и даже «неподобающей», решились на то, чтобы отдать сцену совсем еще зеленым участникам драматической студии театра, которые играют в спектакле рядом с опытными актерами.

Здесь и не собирались делать поправку на юность зрителей. Художник Б. Юнблок выдал для спектакля свои самые чистые и самые яркие краски.

Так родился этот спектакль, от которого хорошо становится на душе.

В. ШИТОВА.